

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

Քալաշյան Մարինա Արմենի

Բարոյաիրավական հայեցակարգերի հարացուցային վերլուծություն

Սեղմագիր

Թ.00.04 - «Սոցիալական փիլիսոփայություն, բարոյագիտություն» մասնագիտությամբ
փիլիսոփայական գիտությունների թեկնածուի գիտական աստիճանի հայցման
ատենախոսության

Երևան – 2014

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Калашян Марина Арменовна

Парадигмальный анализ этико-правовых концепций

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук по специальности
Թ. 00. 04 – Социальная философия, этика

Ереван – 2014

Ատենախոսության թեման հաստատվել է

ՀՀ ԳԱԱ փիլիսոփայության, սոցիոլոգիայի և իրավունքի ինստիտուտում

Գիտական ղեկավար՝	փիլիսոփայական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր Ս. Հ. Հովհաննիսյան
Պաշտոնական ընդդիմախոսներ՝	փիլիսոփայական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր Ա. Հ. Սարգսյան փիլիսոփայական գիտությունների թեկնածու Կ. Է. Յարալյան
Առաջատար կազմակերպություն՝	Երևանի Վ. Բրյուսովի անվան պետական լեզվաբանական համալսարան

Ատենախոսության պաշտպանությունը կայանալու է 2014թ. ապրիլի 16-ին, ժամը 15.00-ին Երևանի պետական համալսարանում գործող ՀՀ ԲՈՒՀ-ի Փիլիսոփայության և սոցիոլոգիայի 013 մասնագիտական խորհրդի նիստում (0025, ք. Երևան, Աբովյան փ., 52ա, ԵՊՀ):

Ատենախոսությանը կարելի է ծանոթանալ Երևանի պետական համալսարանի գրադարանի գիտաշխատողների ընթերցասրահում:

Սեղմագիրն առաքվել է 2014 թ. մարտի 14-ին:

Մասնագիտական խորհրդի գիտական քարտուղար
փիլիսոփայական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր

Ս.Ա. Չարսրյան

Тема диссертации утверждена в Институте философии социологии и права НАН РА

Научный руководитель

доктор философских наук, профессор
С. Г. Оганесян

Официальные оппоненты

доктор философских наук, профессор
А. А. Саргсян
кандидат философских наук
К. Э. Яралян

Ведущая организация

**Ереванский государственный лингвистический
университет им. В. Брюсова**

Защита состоится 16-го апреля 2014 г. в 15-00 на заседании специализированного совета ВАК РА 013 по философии и социологии при Ереванском государственном университете (0025, г. Ереван, ул. Абовяна 52а, ЕГУ)

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научных работников библиотеки ЕГУ
Автореферат разослан 14-ого марта, 2014г.

Ученый секретарь специализированного совета,
доктор философских наук, профессор

С . А . Закарян

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования: Исходя из того, что мораль и право являются основными регуляторами социальной и личностно-индивидуальной жизни, тема данного диссертационного исследования, посвященная парадигмальному анализу этико-правовых концепций, безусловно, актуальна. Попытки всестороннего осмысления онтологических, логико-гносеологических и методологических аспектов феноменов морали и права красной нитью проходят через всю историю человеческой мысли и традиционно относится к числу основных, вечных и универсальных социально-философских проблем.

Первоначально философия права, достигшая своего расцвета в конце XVIII - начале XIX веков, и этика развивались по большей части параллельно, причем т. к. философско-правовые теории разрабатывали преимущественно юристы, то всем этим теориям недоставало необходимой глубины философского осмысления. Со своей стороны философы-моралисты не обращали достаточно внимания на феномен права, и по этой причине проблема взаимоотношения морали и права, как правило, не становилась предметом специального анализа, *самостоятельной* темой исследования. Ситуация изменилась в самом конце XVIII в. (1797г.) с выходом в свет двух частей фундаментального труда И. Канта “Метафизика нравов”, значение которого невозможно переоценить. В своей работе И. Кант свел воедино, казалось бы, два различных понятия морали и права, и в качестве их субстрата, единого основания выдвинул идею или принцип свободы. В результате чрезвычайно глубокого и философски безупречного анализа немецкий философ обосновал имеющееся метафизическое единство морали и права и самым тщательным образом проанализировал природу и генезис морально-правовых реалий в пределах данного единства. Указанный труд И. Канта, ставший классикой философской этико-правовой мысли, полностью высветил всю проблематику, связанную с вопросами взаимоотношения и взаимодополнительности морали и права, обосновал непреходящую значимость данной темы именно как темы самостоятельной и заложил прочные основы для дальнейших исследований в рассматриваемой области.

Актуальность и значимость поднятой И. Кантом темы с течением времени все более возрастает. Современная эпоха, обозначаемая как постмодерн или постсовременность, характеризуется такими качествами как ускорение научно-технического прогресса, все увеличивающийся поток информации, виртуализация мира. Подобные трансформации, носящие глобальный характер и затрагивающие жизнь каждого человека, создают ощущение необходимости усовершенствования как общественной жизни, так и внутренней жизни человека, её обустройстве на совершенно новых принципах. Постмодерн задаёт новые ценности, ориентиры и нормы поведения, размывает понятия истинности, объективности, провозглашая нечто иное в сравнении со сложившимися многовековыми традициями. Личность стандартизируется и нивелируется, растворяясь в потоках массовой культуры,

реальном и виртуальном мирах. В подобных условиях проблема взаимоотношения морали и права задает все новые и новые неведомые ранее сложнейшие проблемы, требующие своего адекватного решения. Ведь ни один из вопросов, волнующих современное человечество, не может быть разрешен без ясного представления об этико-правовой компоненте. Всё это вместе взятое требует определенного пересмотра традиционных социально-философских концепций и приведения их в соответствие с подлинными, аутентичными условиям человеческого существования.

Реальные этико-правовые процессы в обществе, как правило, всегда находили свое отражение в социально-философских доктринах соответствующих исторических эпох. Нынешняя эпоха тоже требует своей адекватной социально-философской диагностики, которую невозможно проделать без включения в сферу нравственно-правового дискурса момента их единства и наличия глубинных метафизико-экзистенциальных источников. В сфере повседневности это, несомненно, будет способствовать новому осмыслению многих из укоренившихся мировоззренческих стереотипов и позволит выстроить такую систему морально-правовых ориентиров личности, которая бы содействовала ее развитию, а также здоровому и свободному развитию общества. С учетом всего вышеизложенного, теоретическая и практическая значимость, а также актуальность темы диссертационного исследования не подлежит сомнению.

Степень разработанности проблемы: Непреходящий интерес к вопросам морали и права наблюдается с самого начала зарождения собственно философской мысли. В индийской философии значительное внимание данным вопросам уделяет, в частности, буддизм, в китайской – даосизм и конфуцианство. В античной философии этико-правовая проблематика занимает одно из центральных мест в философии Платона и Аристотеля, стоиков и эпикурейцев. В древнем Риме - в трудах Цицерона, римских стоиков и юристов. Уже с тех пор проблемы морали и права входят в число основных проблем философии, обогащаясь в дальнейшем за счет импульсов, получаемых от развивающейся христианской мысли. В христианском средневековье наибольший вклад в изучаемую проблему внесли такие выдающиеся религиозные мыслители как Августин Блаженный и Фома Аквинский.

В Новое время значительный вклад в разработку социально-философских аспектов морали и права внесли Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и далее И. Бентам, Дж. Остин, Дж. Ст. Милль и др. Однако подлинную философскую основу для дальнейших исследований в области морали и права заложил, как уже нами выше было отмечено, И. Кант, который, соединив понятия морали и права через идею свободы, впервые выделил этико-правовую проблему в качестве самостоятельного предмета исследования. Все послекантовские более или менее серьезные этико - правовые концепции по существу вращались в кругу идей великого немецкого философа: или соглашаясь, или полемизируя с ними.

Например, в русской философско-правовой мысли значительное влияние И. Канта совершенно очевидно. Это относится к таким фигурам XIX – XX в.в. как А. Д. Градовский, П. Г. Редкин, Б. Н. Чичерин, В. С. Соловьев, Н. М. Коркунов, Г. Ф.

Шершеневич, П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой, И. В. Михайловский, Л. И. Петражицкий, Н. Бердяев, С. Л. Франк, И. А. Ильин. В западной философии с идеями И. Канта коррелируют этико-правовые учения И. Г. Фихте, Ф. В. Шеллинга и Г. Ф. Гегеля.

В XXв. на западе различные аспекты проблемы отношения права и нравственности разрабатывали Ж. Маритен, Г. Марсель, Э. Мунье, А. Шюц, Ю. Хабермас, К.-О. Апель, Н. Луман, Э. Левинас, Дж. Роллз, такие философы права как Г. Харт, Р. Дворкин, Л. Фуллер, Г. Дж. Берман, Г. Радбрух и ряд других. Из числа советских и постсоветских авторов этого периода можно отметить Н. Н. Алексеева, В. С. Нерсесянца, Э. Ю. Соловьева, А. Дугина, Л. Х. Калашяна. Особняком стоят здесь фигуры М. Хайдеггера, А. Ф. Лосева и Р. Штейнера, идеи которых нами будут подробно рассмотрены.

В результате проведенного анализа текстов, посвященных вопросам взаимоотношения и взаимодополнительности морали и права, у нас сложилось мнение, что данная проблема еще далеко не прояснена. Состояние ее разработанности на сегодняшний день таково, что не приходится говорить об общепринятой и приемлемой социально-философской и этико-правовой концепции. В этом плане нам кажется необходимым обратить внимание на три существенных момента. Во-первых, социально - философские исследования в своем большинстве, как правило, страдают одним существенным недостатком. В них акцент делается либо на исследовании сугубо социального, упуская при этом из виду индивидуальный фактор, либо на рассмотрении индивидуального, упуская из виду значимость социального. В результате мы имеем отрыв социального бытия от бытия человеческого, нарушение диалектики единства социального и индивидуально-личностного. Адекватное исследование любых социально-философских проблем возможно только при комплексном подходе, т. е. с обязательным учетом существующей сложнейшей диалектики общественного и индивидуального сознания. Необходимый синтез социального и индивидуально-личностного, экзистенциального является приоритетной задачей любого социально-философского исследования. Во-вторых, сама человеческая субъективность, природа человеческого “Я” обычно понимается как нечто статичное и данное “от века” на все времена. Однако по данному вопросу, как отмечал М. Хайдеггер, нельзя принимать “субъективизм” как нечто само собой разумеющееся и потом исследовать “... всю историю от греков до современности на предмет выявления разновидностей «субъективизма»”¹. Так, субъективность при античном пантеизме и субъективность эпохи монотеизма - явления принципиально различного порядка. В-третьих, большинство из вышеперечисленных авторов не обращают должного внимания на важность парадигмального подхода к анализу морально-правовых практик, разработанного такими сторонниками теории циклического развития общества как О. Шпенглер, Н. Данилевский и А. Тойнби.

Употребляя термин “парадигма”, мы отвлекаемся от его частных определений типа “научной модели” Т. Куна, социальных и лингвистических интерпретаций и

¹ Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления, М., 1993, с. 119.

берем за основу следующее, чисто философское определение парадигмы, данное А. Дугиным: “Под «парадигмой» мы понимаем обширный комплекс непроявленных установок, предопределяющих саму манеру понимания и рассмотрения природы реальности, которые могут в оформленном качестве порождать многообразные философские, научные, религиозные, мифологические и культурные системы и комплексы, имеющие - несмотря на все свои внешние различия - некоторый общий знаменатель”². Вместе с тем мы считаем, что данное определение нуждается в уточнении, т. к. здесь парадигма выступает как некая дологическая матрица человеческого мышления и бытия, допредикативное, донаучное условие самой возможности человеческого познания (своеобразный аналог “жизненного мира” Э. Гуссерля) и тем самым “ускользает” от рационального анализа, что, впрочем, признает и сам А. Дугин. По этой причине методологически целесообразнее в определенном А. Дугиным понятии парадигмы различать моменты предпарадигмы - как сущностного непроявленного условия, и самой парадигмы - как уже оформленной, явленной предпарадигмы. В диссертации за основу берется общепринятая четырехчленная периодизация исторических парадигм как культурных эпох – древний мир и средневековье (премодерн), модерн и постмодерн.

Говоря о парадигмах следует, как отмечает А. Дугин, иметь в виду, что “...речь идет не просто о (диахроническом) развертывании единого динамического процесса развития человеческого мышления - от архаического к современному и постсовременному, но о законченных в самих себе и фундаментальных системах организации мысли, которые можно рассматривать и сопоставлять друг с другом, абстрагируясь от стрелы исторического времени, т. е. синхронически”³. При этом здесь следует иметь в виду, что в западных и незападных обществах парадигмы сосуществуют в различных “пропорциях”. Очевидно, что под парадигмой конкретного исторического периода, насыщенного культурным многообразием, понимается именно доминирующий дискурс.

Парадигмальный анализ позволяет наблюдать моменты фазовых переходов от одной парадигмы к другой и тем самым дает возможность уловить и зафиксировать их подлинные причины. Это, в свою очередь, способствует более адекватному пониманию специфики конкретных парадигм, в том числе и их этико-правовой составляющей. И здесь, на наш взгляд, ключевым моментом являются трансформации принципа “Я”, самой человеческой субъективности.

По нашему мнению, для того, чтобы разобраться с причинами метаморфоз культурных парадигм, необходимо, в первую очередь, установить, какое место отводилось человеку, личности в конкретной парадигмальной картине мира. С этой целью мы посчитали целесообразным обратиться к понятию субъективности и проблеме ее генезиса и становления.

Так, например, парадигмальный переход от древнего мира к эпохе христианства такой выдающийся знаток античности и раннего средневековья как А.

² Дугин А. Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории человеческой мысли, М., 2009, с. 36.

³ Там же, с. 16.

Ф. Лосев интерпретирует следующим образом: “В конце концов и античный человек стал чувствовать, что его система слишком далека от личности (согласно русскому философу античная культура характеризуется господством внеличного начала – М. К.) и в этом смысле слишком пустынна. Это создало возможность для появления в дальнейшем, на развалинах античности, новой культуры, основанной на абсолютизации личности”⁴. В другом месте А. Ф. Лосев дает характеристики принципа “Я” в соответствии с генезисом культурных парадигм: “А ведь в средние века создавалось великое учение о личности. Я думаю, что личность – это такая категория, которая не может отсутствовать в мировоззрении. Как понимать ее – другое дело. Но я думаю, что античный материальный космос – это маловато. Все-таки это еще предварительная эпоха, а вот личность – очень важная вещь... Средние века – абсолютная личность. Возрождение – абсолютизированная человеческая личность, но все равно – личность”⁵.

Над проблемой трансформации принципа субъективности напряженно размышляет и другой выдающийся философ XX в. М. Хайдеггер: “Мы спрашиваем: как дело доходит до подчеркнутого выдвижения «субъекта»? Откуда возникает то господство субъективного, которое правит всем новоевропейским человечеством и его миропониманием? Этот вопрос оправдан, потому что вплоть до начала новоевропейской метафизики у Декарта и даже еще внутри самой его метафизики все сущее, поскольку оно есть сущее, понималось как *sub-iectum*... Через Декарта и после Декарта «субъектом» становится в метафизике преимущественно человек, человеческое «Я». Как человек входит в роль подлинного и единственного субъекта? Почему этот человеческий субъект накладывается на «Я», так что субъективность становится тут равнозначна сфере «Я»?”⁶.

По данному вопросу необходимо также отметить, что еще до А. Ф. Лосева и М. Хайдеггера уже в 1914г. крупный немецкий философ Р. Штейнер выдвинул и защищал указанное положение. Например, в своем труде “Загадки философии” он пишет, что ему “В развитии философских устремлений человечества... открылись четыре по всей очевидности различные эпохи. ...довелось обнаружить в этих эпохах столь характерно выраженные различия, как различия видов, открываемые в царстве природы. Это привело... к признанию того, что история философского развития человечества предоставляет доказательства существования объективных – совершенно независимых от человека – духовных импульсов, развивающихся дальше по ходу времени. И то, что создают люди, как философы является откровением развития этих импульсов, правящих под поверхностью внешней истории...”⁷. Так, например, в древней Греции душа человека “...ощущает себя членом мирового организма; она не мыслит себя самостоятельным существом, отделенным от этого организма. ...Высвобождение души от мира еще только начинается, оно еще не

⁴ Лосев А. Ф. Дерзание духа, М., 1988, с. 170.

⁵ Лосев А. Ф. Страсть к диалектике: Литературные размышления философа, М., 1990, с. 65.

⁶ Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления, М., 1993, с. 118.

⁷ Штейнер Р. Загадки философии, в 2т., т. 1, Электронный ресурс: <http://bdnsteiner.ru/modules.php?name=Steiner&go=page&pid=18#4> (Дата обращения: 31.10.2012).

совершилось..”⁸. Только во время возникновения христианства “...пробуждается самосознание человечества, причем в том виде, который соответствует собственному существу этого самосознания... Можно надеяться, что в будущем исследование духовной жизни назовет указанную тут эпоху “пробуждением самосознания”. Лишь теперь человек обнаружит весь объем своей душевной жизни в качестве “я”⁹. Говоря другими словами, каждая очередная трансформация субъективности, обусловленная импульсами из самого Бытия, приводит к соответствующей трансформации интенциональной структуры “Я” или интенционального “каркаса” “Я” как предпарадигмы, что, в свою очередь, с неизбежностью приводит к образованию новой парадигмы (как явленной, оформленной предпарадигмы) или принципиально иного мироощущения и мировосприятия, принципиально иного способа мышления и бытия, принципиально иной системы ценностей и культурной картины мира.

В целом аналогичной концепции (за исключением некоторых метафизических нюансов) придерживается и М. Шелер. Иные авторитетные антропологические концепции (как, например, К. Ясперса, Ж. – П. Сартра, А. Камю и ряда других философов) в наше исследование не вовлечены, т. к., на наш взгляд, указанные авторы недостаточно внимания уделяют вопросам диалектики, взаимодополнительности бытийно-онтологического и индивидуально-личностного.

Применяемый в настоящей работе парадигмальный метод исследования, через призму метаморфоз принципа “Я” требует тщательного изучения основных, базовых социально-философских концепций взаимоотношения морали и права, начиная с древнейших времен, что позволит, на наш взгляд, выявить наиболее существенные закономерности взаимодействия индивидуального и коллективного. Указанный подход даст возможность осмыслить и объяснить фундаментальные причины коренных сдвигов в самоощущении, самоосознании и мировосприятии человека, послужившие толчком к парадигмальным трансформациям социально-духовной жизни и, в том числе, в области морально-правовых практик и воззрений. По существу в основу нашего исследования кладется философско-антропологический подход, основной задачей которого, как отмечает М. Шелер, является “...точно показать, как из основной структуры человеческого бытия (духовного – М. К.), ...вытекают все специфические монополии, свершения и дела человека: язык, совесть, инструменты, оружие, идеи праведного и неправедного, государство, руководство, изобразительные функции искусства, миф, религия, наука, историчность и общественность”¹⁰.

Исходя из актуальности исследовательской проблемы и ее недостаточной разработанности в философско-антропологическом аспекте, определена и тема диссертации.

⁸ Штейнер Р. Загадки философии, в 2т., т. 1, Электронный ресурс: <http://bdnsteiner.ru/modules.php?name=Steiner&go=page&pid=18#4> (Дата обращения: 31.10.2012).

⁹ Там же.

¹⁰ “Проблема человека в западной философии”. М., Прогресс, 1988, с. 90.

Объектом настоящего диссертационного исследования является взаимоотношение морали и права в парадигмах древнего мира, христианского средневековья, нового и новейшего времени.

Предметом данного исследования является специфика этико-правовых концепций в парадигмах древнего мира, христианского средневековья, нового и новейшего времени.

Целью исследования является изучение и выявление специфики этико-правовых концепций в парадигмах древнего мира, христианского средневековья, нового и новейшего времени, а также глубинных причин их парадигмальных трансформаций.

Сформулированная выше цель требует решения следующих исследовательских **задач**:

- рассмотреть и определить основные социально-философские точки зрения относительно метафизического единства морали и права;
- проанализировать парадигмальные концепции соотношения права и нравственности в эпоху античности, христианского средневековья, нового и новейшего времени;
- провести типологизацию существующих этико-правовых концепций;
- выявить социально-философские реалии, регулирующие и определяющие на генетическом, глубинном уровне диалектику взаимоотношения нравственности и права;
- изучить и выявить основные тенденции, осевой вектор или код развития этико-правовых учений и практик.

Научная новизна исследования:

1. Впервые, как нам кажется, разработана стройная концепция исторического культурно-парадигмального генезиса этико-правовых учений и практик от древности до наших дней с точки зрения трансформации или метаморфоза принципа “Я”.
2. Обосновывается, что метаморфоз “Я” является основной и глубинной причиной эволюции этико-правовых теорий и практик и их парадигмальных трансформаций на протяжении всей обозримой истории человечества.
3. Вводятся понятия морального и правового “Я” как “Я” внутреннего и внешнего.
4. Вводится понятие предпарадигмы - как сущностного, непроявленного условия самой возможности человеческого познания, а сама парадигма определяется как уже оформленная, явленная предпарадигма.
5. Выведены конечные формулы этико-правовых взаимоотношений по четырем основным культурным парадигмам – античность, христианское средневековье, модерн, постмодерн.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Диалектика смены культурно-парадигмальных морально-правовых практик и учений может быть адекватно осмыслена только исходя из трансформации или метаморфоза человеческой субъективности, человеческого “Я”.
2. Культура древнего мира основана на неабсолютности принципа “Я”. В античном и древневосточном пантеизме царит принцип внеличного космологизма. Бессубъектная онтология преמודерна характеризуется слитностью морали и права. Мораль и право выступают здесь как законосообразные, абсолютные, мировые или космические, но внешние действия по законам безличного Единого, направленные на обеспечение соответствия микрокосма и макрокосма, в чем собственно и заключается отмеченная общность права и морали.
3. В христианском средневековье внеличность трансформируется в абсолютную личность, абсолютное “Я”, а место безличного Единого занимает личный Бог. Мир разделяется на “я” и “не-я”. Вопрос морали в монотеизме - это уже вопрос судьбоносного духовного выбора и действия: или соединиться с Богом или пропасть, отпав от него. В монотеистической культуре в отличие от древности мораль и право уже полностью расходятся как разнопорядковые события, как духовный внутренний акт и внешнее действие. Здесь мораль опять же мировое, абсолютное и макрокосмическое действие, но действие уже внутреннее, духовное, действие по законам транссубъективного личного Абсолюта, личного Бога, основанное не на разуме, а на вере.
4. В Новое время абсолютная личность христианского средневековья трансформируется в абсолютизированную личность - абсолютизированное “Я”. Бог умер, мир десакрализован. Мораль и право выступают здесь опять же как однопорядковые события, как чисто внешние социальные регуляторы.
5. В постмодерне абсолютизированное “Я” Нового времени вновь трансформируется и растворяется в социокультурном космосе. Наступает эпоха своего рода неантичности, при которой мораль и право превращаются из личных действий в своеобразные лики культуры. Наступает эпоха морально-правовой семиотизации и релятивизма.

Теоретико-методологические основы исследования составили принципы комплексного анализа парадигмальных этико-правовых концепций в их взаимовлиянии с учетом ряда обуславливающих факторов социально-исторического и экзистенциального характера. Методологическую основу исследования составили принципы системности и единства исторического и логического. Основной теоретической базой исследования послужили философские труды А. Ф. Лосева, М. Хайдеггера и Р. Штейнера, которые, помимо характерного для всех персоналистов утверждения о приоритете индивидуально-экзистенциального над коллективно-безличностным, разработали принципиально новую концепцию глубинно-бытийных исторических трансформаций человеческой субъективности.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования видится в ее этико-нравственной ориентации, расширяющей наши представления о принципе

субъективности, а также о роли и месте этико-правовых практик в индивидуальной и общественной жизни. Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы диссертации могут найти свое применение в процессе преподавания социальной философии, философской антропологии, социологии, культурологии, а также разработке спецкурсов по этике и философии права.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, разбитых на восемь параграфов, заключения и библиографического списка. Объем 135 стр.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** аргументируется актуальность темы диссертационного исследования, рассматривается степень научной разработанности проблемы, определяются объект и предмет исследования, его методологическая база, формулируются цель и задачи исследования, обосновывается его структура.

В первой главе **“Древний мир и средневековье. Субординация морали и права”** анализируются древнеиндийские, древнекитайские и античные социально-философские этико-правовые концепции, а также христианская доктрина взаимоотношения морали и права.

В первом параграфе **“Древневосточные этико-правовые концепции”** рассматриваются древнеиндийские и древнекитайские представления о взаимоотношении морали и права на примере конфуцианских, даосистских, легистских, индуистских и, в частности, буддийских философских учений. В результате проведенного анализа делается вывод о том, что этико-правовые концепции древних Китая и Индии носят на себе отчетливый отпечаток сакрализованной культуры древнейших цивилизаций. Явления этико-правового порядка, как и весь мир в целом, здесь представляются эманацией некоего первоначала, духовного безличного Абсолюта. Мораль и право воспринимаются как “правильные” действия, которые в равной степени направлены на воплощение Божественного замысла. Древнекитайские и древнеиндийские этико-правовые концепции сближает также и доктрина безличной, бессубъектной онтологии и, по существу, отсутствие принципа “Я”. Подобная пантеистическая парадигма, в которой господствующим является принцип субъект-объектного единства, выделение морали и права в отдельные и самостоятельные категории не представляется возможной. Ведь как мораль, так и право требуют наличия автономного субъекта, носителя духовно-моральных переживаний и соответствующих прав, противостоящего другим аналогичным субъектам.

Во втором параграфе **“Античные этико-правовые концепции”** рассматриваются проблемы античного толкования феноменов морали и права, а также их взаимодополнительности и взаимообусловленности в древнегреческой, эллинистической и древнеримской философии. В результате исследования сформулирована авторская позиция о том, что согласно древнегреческой мысли

человек - это объект среди объектов, он находится в миру и он связан с миром, с безличным космосом, что мы наблюдали также и на примере древневосточных учений. В античной культуре нет места самостоятельному индивиду, противопоставляющему себя миру и чувствующему свою самодостаточность. Разум, которым руководствуется античный человек, не есть тот абсолютизируемый инструмент познания, который присущ человеку Нового времени. Античный разум – это проявление в человеке божественного начала, который только подчеркивает связь последнего с космическим умом и его вовлеченность в общемировые процессы. Указанная парадигмальная установка порождает и присущее ей осознание явлений морально-правового порядка. Эти феномены еще качественно не самоопределяются, выступают скорее как действия, направленные на воплощение добродетели. Право – эта та же добродетель, только понимаемая более приземленно, как средство обеспечения добродетельной жизни граждан полиса, как микрокосмическое воссоздание (подражание) законам макрокосма. Ситуация несколько меняется с приходом эллинистической философии. Как отмечает А. Ф. Лосев, в эллинистической философии замечается отход от глобального объективизма и уже закладываются основы для всякого рода субъективистических методик¹¹. Человек начинает все сильнее осознавать свою индивидуальность, в результате чего здесь мы имеем становление субъективистского мировосприятия в его зачаточном состоянии, которое далее проявляет себя полностью в первых веках нашей эры с приходом христианства. Уже в древнем Риме мы сталкиваемся с беспрецедентным до того времени расцветом правовой мысли, развитой благодаря трудам Цицерона, римских стоиков и юристов. Подобный расцвет связан с тем, что римское право возникло и пережило свое дальнейшее развитие на стыке двух исторических эпох: античности с ее верой в материально-чувственный космос и раннего христианства с его утверждением принципа личности. Римское право впитало в себя христианскую концепцию суверенной личности и данный факт позволяет объяснить парадокс рецепции римского права. Автором выдвигается гипотеза о том, что именно присущее последнему начало субъективизма способствовало тому, что римское право несмотря на свою частично инородную природу идеально влилось и укоренилось в новой средневековой христианской культурной парадигме.

В третьем параграфе **“Христианская концепция взаимоотношения морали и права”** анализируется специфика христианских этико-правовых концепций. Переход от языческо-пантеистической культуры к культурной традиции христианского монотеизма наполнил понятие морали совершенно иным, новым содержанием, а значит по-новому зазвучала и проблема взаимоотношения морали и права. Христианская культура приносит с собой невиданный ранее акцент на принципе личности. Становление и развитие принципа субъективности, принципа “Я” и его универсальной значимости приводит к определенной изоляции или отпадению человека от мира, ранее ощущаемого последним как космически единое целое. А. Ф.

¹¹ См.: Лосев А. Ф. История античной философии в конспективном изложении. 2-е изд., исправл., М., 1998, с. 76.

Лосев пишет, что если “Античность - это принцип вещи, тела, природы и, в конце концов, чувственно-материального космоса, в то время как христианство - это принцип личности, общества, истории или, конкретнее говоря, сотворения космоса сверхкосмической личностью, общее грехопадение и первородный грех и спасение греховного мира при помощи опять-таки чисто личностного богочеловечества”¹². Христианский принцип универсальной и абсолютной личности, христианский принцип “Я” в отличие от *внешнего* “Я” античности в диссертации условно обозначается как внутреннее, *моральное* “Я”. Вопрос морали в монотеизме - это вопрос судьбоносного внутреннего духовного выбора и действия: или соединиться с Богом или пропасть, отпав от него. В монотеистической культуре в отличие от антики мораль (заповеди, долг, добродетели) и право уже полностью расходятся как разнопорядковые события, как духовный акт и внешнее действие. Здесь мораль опять же *мировое*, абсолютное и макрокосмическое действие, но действие уже *внутреннее, духовное*, действие по законам транссубъективного личного Абсолюта, личного Бога, основанное *не на разуме, а на вере*. Что касается правового действия, то оно и в античности, и в христианстве имеет тот же *мировой, абсолютный* космический смысл, что и моральное действие, но в отличие от последнего сохраняет чисто внешний *разумно-законосообразный* характер. Самоопределившись в христианстве, явления морально-правового порядка полностью не отрываются друг от друга, а взаимодействуют, обеспечивая тем самым связь между двумя частями расколовшегося мира: его трансцендентной, божественной и земной, социальной ипостасями. Христианская доктрина о взаимоотношении морали и права основана на представлении о том, что последние обладают неким общим истоком, обеспечивающим их взаимодействие.

Вместе с тем христианство с его персонализмом задало истории человеческого духа то направление, которое, в конечном итоге, привело к абсолютизации человеческой личности. Начиная с эпохи Возрождения, в связи с продолжающимся метаморфозом принципа субъективности, христианская морально-правовая доктрина постепенно утрачивает свой доминирующий характер в новоевропейском культурном контексте, трансформируясь в понятие *абсолютизированной* личности. Роль разума в человеческой жизни, набирающего силы в Античности и Средневековье, достигает в Новое время своей абсолютизации. Разум становится здесь по существу самодостаточным и способным к тому, чтобы ставить себе свои собственные цели. Он теперь не только не зависит от веры, но и вправе отвергать ее. Именно из недр христианства, а именно протестантизма, возникает и развивается идея прав человека, которая, первоначально обладая нравственно-религиозным содержанием, постепенно секуляризируется, все больше подпадая в область господства разума, а не веры. В диссертации утверждается, что римским правом заканчивается эпоха античного псевдосубъективизма, а вместе со становлением концепции неотъемлемых прав человека завершается период христианского восприятия личности.

¹² Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2-х кн., кн. 1, М., 2000, с. 78.

Вторая глава **“Новое время. Рядоположенность морали и права”** преимущественно посвящена сопоставительному анализу этико-правовых концепций И. Канта и Вл. Соловьева, а также рассмотрению некоторых иных нововременных философских и юридических теорий взаимодополнительности морали и права.

В первом параграфе **“И. Кант: моральный и правовой законы как требование практического разума”** мировоззрение Нового времени интерпретируется как результат очередной трансформации принципа “Я”. Нововременная трансформация принципа “Я” происходит в направлении интенсивной социализации человеческой субъективности, социализации *внешнего* “Я”. Социальное, внешнее “Я”, которое можно условно назвать *правовым* “Я” получает приоритет над “Я” *моральным, внутренним* “Я”. “... что такое новоевропейская культура? – пишет А. Ф. Лосев, - Это буржуазно-капиталистическая культура, основанная на частном владении. На первом плане здесь выступает индивид, субъект и его власть, его самочувствие. Субъект стоит здесь над объектом, человек объявлен царем природы. Этого нет в античной культуре; личность там не имеет такого колоссального и абсолютизированного значения, как в новоевропейской культуре”¹³.

В данном параграфе вначале вкратце рассматриваются этико-правовые концепции Р. Декарта, Ф. Бэкона, Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо и обращается внимание на то, что никто из вышеупомянутых философов так и не создал целостной этико-правовой системы. Общеизвестным является тот факт, что философское осмысление проблем морали и права, а также их взаимоотношения, глубже и точнее всего проделано И. Кантом – родоначальником трансцендентальной философии, философии субъекта. Более того, И. Кант является *основателем* всей этико-правовой проблематики как проблематики *самостоятельной*. Хотя он и выводит свою этико-правовую концепцию исходя из принципов христианского личного Бога, однако его Бог – это Бог в пределах человеческого разума, и по этой причине в дальнейшем его концепция послужила основой всех нововременных рационалистических этико – правовых концепций. Именно И. Кант поднял этико-правовую проблематику на такую высоту, что любое их дальнейшее философское исследование абсолютно невозможно без обращения к наследию немецкого философа, без использования его методологии. Своей философией И. Кант преодолел ограниченность естественных и легалистских концепций права и впервые создал очень солидную (хотя и небесспорную) органическую и цельную метафизико-интегративную концепцию отношения морали и права, исходя из идеи трансцендентальной свободы и, в частности, свободы внутренней и внешней, четко разграничив при этом предметные области нравственности и права. В разделе XIV первой части *“Метафизики нравов”* *“О принципе отделения учения о добродетели от учения о праве”* И. Кант определяет право как обязанность, основанную на внешней свободе, а мораль как обязанность, основанную на свободе внутренней¹⁴.

¹³ Лосев А. Ф. Дерзание духа, М., 1988, с. 153.

¹⁴ См.: Кант И. Соч. В 8 т., т. 6, М., 1994, с. 449.

Создателем второй по значимости этико-правовой концепции можно с полным правом считать русского философа XIX в. Вл. Соловьева. В данном параграфе мы поставили перед собой задачу сопоставительного анализа этико-правовых концепций И. Канта и позднего Вл. Соловьева (второй период творчества 1883–1900 г.г.), что, как нам кажется, поспособствует дальнейшему прояснению некоторых фундаментальных вопросов в области проблемы взаимоотношения морали и права.

Проведенный анализ однозначно свидетельствует о том, что претензии Вл. Соловьева на усовершенствование кантовской этико-правовой концепции несостоятельны. К этико-правовому учению И. Канта Вл. Соловьев ничего принципиально нового или оригинального не добавил. Можно утверждать, что этико-правовые концепции представителей немецкой классической философии совпадают по части признания принципа свободы и рационалистической методологии исследования, однако, на наш взгляд, этико-правовое учение И. Канта, изложенное им в “*Метафизике нравов*”, остается непревзойденным и представляет собой классику Нового времени.

Одновременно автором высказывается гипотеза о *принципе взаимной дополнительности и аналогии* между моральными чувствами как *нравственно-практическом вкусе* и вкусе эстетическом, что представляется весьма разумным и продуктивным и согласуется с сутью кантовской этико-правовой теории. Делается заключение о том, что, например, *эстетический* переход из области права через понятие целесообразности в область морали возможен, если предположить, что чувство морально-практического удовольствия, сопровождающее исполнение закона долга, является своеобразным нравственным аналогом чувства удовольствия при созерцании прекрасного. Говоря другими словами, благодаря нравственному вкусу мы имеем возможность получать нравственное *знание* точно так же, как через эстетический вкус мы получаем *знание* эстетическое.

Во втором параграфе “**Современные дискуссии о природе моральных и правовых норм**” вкратце рассмотрены некоторые основные концепции взаимодополнительности морали и права в рамках нововременной парадигмы.

Общее число подобных концепций говорит о том, что в целом гуманитарные реалии второй половины XX в. породили настоятельную потребность в выработке соответствующих духовных ориентиров и вызвали к жизни разработку с использованием положительных элементов кантовской методологии ряда интегративных социально-философских концепций по взаимоотношению морали и права, которые пытаются снять противоречия, существующие между естественноправовыми концепциями, с одной стороны, и правовым позитивизмом - с другой. Создание подобной целостной, непротиворечивой и эмпирически работающей концепции представляет собой одну из самых актуальных и насущных проблем современной социально-философской мысли. В данном параграфе, в частности, рассмотрены этико – правовые концепции Ю. Хабермаса и Дж. Ролза.

Если в первых двух параграфах второй главы рассматриваются по преимуществу социально-философские этико-правовые концепции, философское

понимание и интерпретация этико-правовых проблем, то в третьем параграфе **“Социализация морали”** в рамках исследовательских задач анализируются “формальные”, “дескриптивно-феноменологические”, нефилософские этико-правовых концепции, разработанные преимущественно учеными-юристами. Речь идет о “натуралистических”, прикладных учениях морально-правовой взаимодополнительности.

Представления о естественном праве, которое противостоит праву позитивному, возникло еще в античный философии в досократический период. Для сторонников юснатурализма высшим источником права являются идея свободы и моральные ценности, а право – это всего лишь инструмент для их воплощения. Таким образом, ценность права приверженцы естественно-правовой теории усматривают в его возможности служить проводником нравственных представлений и принципов человеческой свободы. Однако здесь следует оговориться: понятие морали у юснатуралистов в Новое время не претендует на то, чтобы считаться моралью в философском смысле, как феномена интеллигентного, сверхчувственного порядка. Здесь мораль скорее рассматривается как социальный феномен или даже фигурирует как элемент чисто юридического мировоззрения, инкорпорируемого в правовую систему, то есть мораль, как и право, ставятся на одну доску и рассматриваются как чисто социально-политические регуляторы. Причиной этому послужила все та же рационализация мышления. Нововременное мировоззрение стремилось основать мировой порядок на разумных принципах и доказать, что человеческий разум, являясь частью рациональной природы, может понять ее. Сказанное относится не только к природному порядку, но и к порядку моральному. В данном параграфе рассмотрены различные этико-правовые концепции права, разработанные такими философами права как Дж. Остин, Г. Кельзен, Гарольд Дж. Берман, Г. Харт, М. Крамер, Л. Фуллер, Р. Дворкин.

Все рассмотренные точки зрения свидетельствует о том, что в современной западной правовой мысли наметились явные сдвиги в сторону создания интегративной (инклюзивной) правовой концепции за счет синтеза естественных и позитивистских правовых доктрин. Таким образом, наряду с двумя основными традиционными правовыми теориями (естественного и позитивного права) появилась и третья - инклюзивная, которая в настоящее время находится в стадии становления. Однако “примирение” юснатуралистической и легистской правовых доктрин в инклюзивных концепциях права достигается скорее не за счет морализации права, а за счет юридизации морали.

В целом, обобщая все сказанное, в диссертации отмечается, что если мораль (или идею должного) переносят в мир природы, одновременно исключив ее из мира свободы, то это уже нефилософский подход и что бы мы ни говорили здесь о “*моральном праве*”, ничего, кроме явного или завуалированного юридического позитивизма, получить не можем. Просто имморализм здесь будет закамouflирован под ничего не говорящим утверждением о “социальной целесообразности”.

Третья глава “**Постмодерн. Мораль и право как “языковые игры”**” посвящена выявлению сущности постструктуралистского мировоззрения как результата очередной трансформации принципа субъективности и анализу постмодернистских этико-правовых концепций.

В первом параграфе “**Постструктуралистская картина мира**” отмечается, что в постмодерне или постсовременности мы имеем очередной удивительный виток трансформации субъективности, принципа человеческого “Я”, при котором личность опять исчезает. Она стандартизируется и нивелируется, растворяясь в потоках массовой культуры, реальном и виртуальном мирах. Это происходит в результате дальнейшей социализации и культуризации *правового*, внешнего “Я”.

Постмодернистская парадигма в целом представляет собой культурную реакцию на довольно расплывчатые и двусмысленные ценностные установки модерна. Если идеология романтизма XVIII – XIX в.в., как реакция на интеллектуалистские ценности эпохи Просвещения, была наполнена познавательным и творческим пафосом, то постмодернистская идеология представляет собой по сути познавательный нигилизм и релятивизм. В итоге под вопрос ставится само существование некоего универсального знания в принципе. Указанный скепсис возник в результате утраты доверия к провозглашаемому модерном принципу рациональности и вытекающей из него веры в возможность получения достоверного, общепризнанного знания. Постмодернизм выступает против универсального понимания истины, метафизических построений, пытающихся вписать реальность в жесткие теоретические схемы и упорядочить мир в соответствии с ними. По выражению В. Лейча, постмодернисты реализуют свою давнюю “мечту об интеллектуале, который ниспровергает... универсалии”¹⁵. Можно даже сказать, что постмодернистское мировоззрение представляет собой философское и логическое завершение модернистской идеологии. Постмодернизм в определенном смысле последовательно и решительно домысливает до конца имплицитные установки и предпосылки, заложенные в основе модернистской культуры, и рисует картину мира в ситуации отсутствия абсолютной и достоверной истины.

Несмотря на то, что духовным отцом постмодернизма является Ж. Деррида, однако его постструктуралистская концепция в своей сути глубоко философична, и многие исследователи связывают творчество французского мыслителя с традициями иудейской герменевтики. В дальнейшем, как это обычно и бывает (как, например, в случае с “жизненным миром” Э. Гуссерля), концепция Ж. Деррида была лишена своего философского пафоса и ушла в социологические, психологические, культурологические, литературоведческие и др. импликации, приведшие к искажению того смысла, который Ж. Деррида первоначально вкладывал в свое понятие письма или текста. У более поздних постмодернистов письмо или текст полностью отрываются от своей первоосновы, превращаясь попросту в симуляцию или знак, обретший свое собственное бытие и уже не обозначающий ничего, кроме самого себя и тем самым перестав быть по сути знаком.

¹⁵ Leitch V. B. Deconstructive Criticism. An Advanced Introduction N.-Y, 1983, с. 157-158.

Во втором параграфе “Семиотизация морали и права” рассматриваются основные принципы так называемого постмодернистского или постметафизического мироощущения, пришедшего на смену метафизическому стилю мышления. Постметафизика характерна полным отрицанием метафизики – поверхностью вместо глубины, отрицанием имманентного объекту смысла, хаосом и агностицизмом. Постмодернисты, опираясь на Ж. Деррида, считают, что даже высшие метафизические ценности ограничивают человеческую самостоятельность и свободу, способствуя тоталитарному мышлению. Таким образом, постмодернизм может быть охарактеризован также и как новая попытка обоснования, продвижения, развития и дальнейшего распространения либерализма на самые фундаментальные сферы человеческой традиции.

Автором отмечается, что в христианстве становление и развитие принципов личности и личного Бога, разделение мира на “я” и “не-я” привело к осознанию морали и права как двух разнопорядковых феноменов, первый из которых - мораль – является духовным, внутренним действием, совершаемом по законам личного Бога, а второй – право – действием внешнего характера, соответствующем законам разума, выступающих, соответственно, в качестве принципов внутренней и внешней свободы воли. Средневековое представление о соотношении права и морали сводится к тому, что право является формой социального воплощения морали. В Новое время, вместе с забвением идеи Бога и абсолютизацией феномена человеческой личности связь морали со своей метафизической основой по сути утрачивается, мораль социализируется и понимается уже как чисто общественный регулятор. Однако для поддержания доверия к морали и праву последние все еще нуждаются в легитимации неким авторитетом, некими высшими универсалистскими ценностями (как например, гуманизм, демократия, либерализм, права человека и т. п.), подтверждающими связь моральных и правовых норм с истиной. Постмодерн отказался и от этих “полуценностей”, противопоставив им свою концепцию бессубъектности, безличности. Очевидно, что подобный подход в корне разрушает саму идею морали и права как принципов внутренней и внешней автономии личной воли.

В постмодернистской идеологии право становится самодостаточным и в апелляции к каким бы то ни было иным истинам более не нуждается. Постмодернистские концепции права считают, что восприятие права в привычном “академическом” значении, свойственном модернизму, как чего-то четкого и стабильного – это заблуждение, идеализация и “романтизация” права¹⁶. В мире языковых игр никакой текст, в том числе и правовой, не обладает стабильностью: он лишь набор знаков, которые могут быть истолкованы по-разному и не претендуют более на выражение общезначимой истины. О приобретении постсовременным правом релятивистского характера напрямую свидетельствует точка зрения такой авторитетной судебной-правовой инстанции, как Европейский суд по правам человека. Так, согласно позиции суда, Европейская Конвенция по защите прав и основных свобод - живой документ, который необходимо толковать в соответствии с

¹⁶ Campos P. F. Schlag P., Smith S. D. Against the Law. NC. Publication, 1996, с. 1-2.

сегодняшними условиями¹⁷. Например, по делу Баятян против Армении суд признал, что Конвенция защищает право на отказ от военной службы на основании убеждений, несмотря на тот факт, что Конвенция защиту данного права не предусматривала, мотивировав свое решение необходимостью отреагировать на произошедшие в обществе важные изменения¹⁸.

Резюмируя все сказанное, автор утверждает, что в постмодернизме мы имеем неотрадицию. Если в традиции человек, личность был растворен в космосе, то здесь он растворяется в культуре. Мораль и право вновь сливаются, однако в ситуации смерти Бога, в отличие от традиции, дезонтологизируются.

Основная суть постфилософии заключается в ее атаке на принцип субъективности, принцип “я”, и по сути направлена на упразднение христианского понимания личности, упразднение человеческой веры и разума. Таким образом, постмодернизм – это в определенном смысле завершающая атака на базовые христианские ценности. Как считает немецкий философ Г. Рормозер, постмодерн знаменует собой наступление постхристианской эпохи¹⁹. В итоге, мораль и право лишаются всякого критерия истинности. Они мыслятся как лишенный определенного смысла гипертекст, являясь не чем иным, как амальгамой из готовых цитат и случайной игры слов. Данный процесс можно охарактеризовать как *семиотизацию* морали и права – превращение их в знак, или даже симулякр знака. Реальность трансформируется в гиперреальность (Ж. Бодрийяр), пустой знак без означаемого.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования, обобщаются его наиболее существенные результаты.

В **Библиографии** содержится перечень посвященных проблематике данного исследования работ, использованных при написании диссертации.

Основные выводы диссертации

Настоящее диссертационное исследование затрагивает одну из основных, ключевых проблем социальной философии – проблему взаимоотношения морали и права. Данные понятия входят в число наиболее сложных и интегративных социально-философских категорий, т. к. единственно через данные феномены только и может быть реализована человеческая потребность в свободе. Этико-правовая проблематика требует постоянного переосмысления, потому что каждая очередная смена культурно-исторической парадигмы сопровождается коренной трансформацией базисных мировоззренческих установок, в том числе и в области этико-правовых теорий и практик. Задача переосмысления этико-правовых реалий становится особенно актуальной в нынешней ситуации неаутентичного социального и

¹⁷ «Գործեր և նյութեր: Մարդու իրավունքների եվրոպական կոնվենցիա»: / Էլիսաբեթ Սոուրբեյ – Եր.: Բալլիդ, 2010, с. 1027.

¹⁸ Case of Bayatyan v. Armenia, Application no. 23459/03, Judgment of 7 July 2011. Электронный ресурс: <http://www.echr.coe.int/echr/> (Дата обращения: 03.03.2013).

¹⁹ См.: **Рормозер Г.** Ситуация христианства в эпоху “постмодерна” глазами христианского публициста // Вопросы философии. М., 1991. №5. с. 82-85.

индивидуального бытия, когда повседневность постмодерна по мнению большинства мыслителей таит в себе серьезную гуманитарную угрозу для всего человечества. Научно-технический прогресс и эпоха глобализации в конечном итоге привели к тому, что нивелируются и дезавуируются самые очевидные традиционные ценности, извращается понятие свободы личности.

В диссертационном исследовании нами была предпринята попытка разработать стройную и целостную, трансцендентально-прагматическую концепцию диалектики морально-правовых взаимоотношений, позволяющую свести воедино ее глубинные ноуменальные характеристики с феноменальными проявлениями, выявить механизмы их взаимообусловленности и взаимодействия. Главной методологической основой исследования послужило нравственно-правовое учение И. Канта, утверждающее метафизическое единство морали и права, основанное на идее свободы. Для реализации цели исследования нами были поставлены ряд определенных задач, а именно: выявить социально-философские реалии регулирующие и определяющие на генетическом, глубинном уровне диалектику взаимоотношения нравственности и права, проанализировать и типологизировать парадигмальные концепции взаимоотношения права и нравственности в эпоху античности, христианского средневековья, нового и новейшего времени.

В диссертации впервые, как нам кажется, разработана стройная концепция генезиса этических и правовых учений и практик, а также взаимодополнительности, взаимоотношения морали и права с точки зрения трансформации или метаморфоза принципа “Я”. Введены понятия *морального и правового “Я”* как “Я” внутреннего и внешнего. Вводится понятие предпарадигмы - как непроявленного допредикативного условия самой возможности человеческого познания. Выведены также конечные формулы этико-правовых взаимоотношений по четырем основным культурным парадигмам – античность, христианское средневековье, модерн, постмодерн.

Главный социально-философский тезис диссертационной работы о трансформации принципа субъективности, принципа “Я” как о глубинном факторе, определяющем все обозримое наличие культурно-парадигмальных эпох в истории человеческого развития, включая все разнообразие этико-правовых практик и теорий, заимствован из соответствующих текстов таких выдающихся философов XXв. как А. Ф. Лосев, М. Хайдеггер, Р. Штейнер и основан на их авторитете.

Основная идея заключается в особой диалектике, взаимодополнительности бытийно-онтологического, индивидуально-личностного и социального, которая схематически может быть изображена следующим образом: **Бытие → Я → предпарадигма → парадигма → морально-правовые теории и практики.** В самом сжатом виде основные результаты исследования могут быть изложены в следующих положениях:

1. В дохристианское время нет полноценного второго члена формулы, нет абсолютной личности. В данной парадигме само Бытие как бы берет на себя роль “Я” и поэтому мораль здесь не есть результат внутреннего свободного

выбора и (как и право) выступает как чисто внешнее и вместе с тем космическое событие по законам безличного Абсолюта.

2. В христианском средневековье как результат веры в личного Бога (личного Абсолюта) мы уже имеем абсолютную свободную личность, абсолютное “Я”, и как следствие этого мораль в отличие от права трансформируется в способность производить внутренний свободный выбор.
3. В новое время начинается процесс постепенного “забвения о Бытии”, процесс отрыва “Я” от Бытия. “Я” постепенно начинает утрачивать свою двуединую сверхприродно-природную сущность, тем самым теряя способность свободного морального выбора. Мораль и право опять же превращаются в однопорядковые, внешние действия, но теперь уже не космического, как в античности, а социального толка.
4. Постсовременность характерна отпадением “Я” от Бытия. Здесь “одномерная” личность уже существует только в социальности и растворяется в ней. Данный процесс может быть иначе охарактеризован как процесс дезонтологизации “Я”. В определенном смысле мир природы отрывается от мира свободы. Отпадение от Бытия, от мира свободы приводит к деформации и извращению природы морали и права. В постмодернистской парадигме уже отчетливо прослеживаются элементы *аморального права*.

Проведенное нами исследование не претендует на исчерпывающую полноту и носит спорный характер. Однако в целом, как мы считаем, можно говорить о том, что цель нашего исследования достигнута, задачи решены. В ряде случаев мы вынесли за скобки некоторые проблемы как требующие отдельного исследования.

Темы морали, права и свободы воли – темы, на наш взгляд, уходящие далеко в будущее и требующие постоянного и пристального к себе внимания. Думается, что адекватное осмысление проблем связанных с взаимоотношением личности, свободы, морали и права является необходимым условием возрождения экзистенциальной идентичности и перехода к более совершенным формам индивидуально-коллективного бытия.

Апробация результатов работы:

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие статьи:

1. Современные дискуссии о моральном статусе правовых норм в философии Канта, Հասարակական միտքի արդի ժամանակաշրջանում 2012 // ՀՀ ԳԱԱ ՓՄԻԻ. - Եր.: Եվրոպիկնտ, 2012, էջ 246-255:
2. Нововременные трансформации позитивистской концепции права, Դասական իշխանություն 1/162, Եր.: «Անտարես», 2013, էջ 20-25:
3. Сравнительный анализ этико-правовых концепций И. Канта и Вл. Соловьева, Գիտական հոդվածների ծրագրով: Մաս 4: Հասարակական գիտություններ: - Եր.: ԵՊՀ հրատ., 2012, էջ 111-120:

4. Христианская доктрина взаимоотношения морали и права, Միջազգային գիտաժողովի հոդվածների ծողովածու: Հատոր 4: Հասարակական գիտություններ: - Եր.: ԵՊՀ հրատ., 2013, էջ 186-191:
5. Постмодернизм: мораль и право как “языковые игры”, Միջազգային գիտաժողովի հոդվածների ծողովածու: Հատոր 4: Հասարակական գիտություններ: - Եր.: ԵՊՀ հրատ., 2013, էջ 248-253:

Քալաշյան Մարինա Արմենի

Քարոյաիրավական հայեցակարգերի հարացուցային վերլուծություն

Թ.00.04 – «Սոցիալական փիլիսոփայություն, բարոյագիտություն»
մասնագիտությամբ փիլիսոփայական գիտությունների թեկնածուի գիտական
աստիճանի հայցման ատենախոսություն

Պաշտպանությունը կայանալու է 2014 թ. ապրիլի 16-ին, ժամը 15.00-ին Երևանի
պետական համալսարանում գործող ՀՀ ԲՈՂ-ի 013 մասնագիտական խորհրդի
նիստում: Մասնագիտական խորհրդի հասցեն՝ 0025, ք. Երևան, Աբովյանի փ., 52ա:

Ամփոփագիր

Այս հետազոտությունը նվիրված է սոցիալական փիլիսոփայության հիմնական
և առանցքային խնդիրներից մեկին՝ բարոյականության և իրավունքի
փոխհարաբերակցությանը: Տվյալ հասկացությունները անկյունաքարային
նշանակություն ունեն սոցիալ-փիլիսոփայական երևույթների համակարգում, քանի որ
միայն դրանց միջոցով է հնարավոր մարդկանց կողմից ազատության պահանջմունքի
բավարարման իրագործումը: Անձի, ազատության, բարոյականության և իրավունքի
փոխհարաբերակցության հետ կապված խնդիրների համարժեք ընկալման
անհրաժեշտությունը հանդիսանում է էկզիստենցիալ նույնականության վերածննդի և
անձնական կեցության առավել կատարյալ ձևերի պարտադիր պայման:

Սույն աշխատության շրջանակներում մշակվել է բարոյաիրավական փոխ-
հարաբերակցության դիալեկտիկայի համապարփակ մետաֆիզիկական-գործնական
կուռ հայեցակարգ, որը թույլ կտա միավորել դրա խորքային նոստենալ հատկու-
թյունները և ֆենոմենալ դրսևորումները, վեր հանել դրանց փոխայամանավոր-
վածության և փոխգործակցության կառուցակարգերը: Հետազոտության մեթոդաբա-
նությունը գլխավորապես հիմնված է Ի. Կանտի բարոյաիրավական ուսմունքի վրա,
որը բխում է ազատության գաղափարից և որով վերջինս առաջ է քաշել
բարոյականության և իրավունքի մետաֆիզիկական միասնության տեսությունը:
Հետազոտության նպատակի իրագործման համար դրվել են որոշակի խնդիրներ,
որոնք են. բացահայտել սոցիալ-փիլիսոփայական իրականությունները, որոնք
զեննետիկական, խորքային հարթության վրա կարգավորում և պայմանավորում են
բարոյականության և իրավունքի փոխհարաբերակցության դիալեկտիկան, վերլուծել և
դասակարգել իրավունքի և բարոյականության հարաբերակցության վերաբերյալ
հարացուցային հայեցակարգերը անտիկ, միջնադարյան, նոր և նորագույն
դարաշրջաններում:

Ատենախոսությունում առաջին անգամ մշակված է բարոյագիտական և
իրավական ուսմունքների և պրակտիկաների ծագման, ինչպես նաև «Ես»-ի սկզբունքի
փոխակերպման տեսանկյունից բարոյականության և իրավունքի փոխլրացման,
փոխհարաբերակցության ամբողջական հայեցակարգ: Ըստ այդմ, աշխատությունում
առաջ են քաշվել բարոյական և իրավական «Ես»-ի հասկացությունները՝ որպես

ներքին և արտաքին «Ես», ինչպես նաև նախահարացույցի հասկացությունը՝ որպես մարդու ճանաչողության հնարավորության չարտահայտված նախատրամաբանական պայման: Միաժամանակ, առաջարկվել են բարոյախրավական փոխհարաբերակցության վերջնական բանաձևեր չորս հիմնական մշակութային հարացույցների (անտիկ, քրիստոնեական միջնադար, մոդեռն և հետմոդեռն) համատեքստում:

Ատենախոսության գլխավոր սոցիալ-փիլիսոփայական դրույթը վերաբերում է սուբյեկտիվության սկզբունքի փոխակերպմանը, «Ես»-ի հասկացությանը՝ որպես խորքային գործոնի, որը պայմանավորել է մարդկության զարգացման պատմության ողջ ձևավորված մշակութահարացուցային դարաշրջանները, այդ թվում՝ բարոյախրավական տարաբնույթ ուսմունքներն ու պրակտիկաները: Այս մոտեցումը հիմնված է 20-րդ դարի այնպիսի հայտնի փիլիսոփաների հետազոտությունների վրա, ինչպիսիք են Ա. Ֆ. Լոսը, Մ. Հայդեգերը, Ռ. Շտայները:

Հիմնական գաղափարը վերաբերում է հատուկ դիալեկտիկային, գոյաբանական, անձնական և սոցիալական փոխլրացվածությանը, որը սխեմատիկորեն կարելի է նկարագրել հետևյալ կերպ. **Կեցություն → Ես → նախահարացույց → հարացույց → բարոյախրավական տեսություններ և պրակտիկաներ:** Հետազոտության հիմնական արդյունքները հակիրճ կարելի է ներկայացնել հետևյալ դրույթներում.

1. Մինչքրիստոնեական ժամանակաշրջանում նշված բանաձևի երկրորդ տարրը՝ բացարձակ ինքնությունը, գրեթե բացակայում է: Տվյալ հարացույցում հենց Կեցությունն է, կարծես, ստանձնում «Ես»-ի դերը, որի հետևանքով բարոյականությունն այստեղ չի հանդիսանում որպես ներքին ազատ ընտրության արդյունք և (ինչպես և իրավունքը) հանդես է գալիս որպես բացառապես արտաքին, միևնույն ժամանակ տիեզերական իրադարձություն՝ անդեմ Բացարձակի օրենքների համապատասխան:

2. Քրիստոնեական միջնադարում, որպես անձնավորված Աստծո (անձնավորված Բացարձակի) հանդեպ հավատի արդյունք, արդեն առկա է բացարձակ ազատ անձնավորություն, բացարձակ «Ես», որի հետևանքով բարոյականությունը (ի տարբերություն իրավունքի) փոխակերպվում է ներքին ազատ ընտրություն կատարելու հնարավորության:

3. Նոր դարաշրջանում սկիզբ է առնում Կեցությունը «մոռացության մատնելու», «Ես»-ը Կեցությունից անջատելու գործընթացը: «Ես»-ը աստիճանաբար սպառում է իր երկմիասնական գերբնական-բնական էությունը, դրանով իսկ կորցնելով ազատ բարոյական ընտրության հնարավորությունը: Բարոյականությունը և իրավունքը կրկին վերածվում են միևնույն հարթության վրա գտնվող արտաքին գործողությունների, սակայն այժմ ոչ թե տիեզերական, այլ սոցիալական բնույթի:

4. Հետմոդեռնին բնորոշ է «Ես»-ի լրիվ հեռացումը Կեցությունից: Այստեղ «միաչափ» անձը արդեն գոյություն ունի միայն սոցիալականության մեջ, միաժամանակ լուծվելով դրանում: Որոշակի իմաստով բնության աշխարհը կտրվում է ազատության աշխարհից, որը հանգեցնում է բարոյականության և իրավունքի էության աղավաղման: Հետմոդեռնյան հարացույցում արդեն հստակ տեսանելի են *անբարոյական իրավունքի* տարրեր:

MARINA KALASHYAN

Paradigmatic analysis of the ethical and legal concepts

The dissertation for the degree of candidate in philosophical sciences for the speciality
Ք.00.04 - social philosophy, ethics.

The defense will take place on April 16 , 2014 at 15-00 at the meeting of the Special Board № 013 HAC of RA acting at Yerevan State University. Address: 0025 , Yerevan, Abovyan str. 52a.

ABSTRACT

The thesis is devoted to one of the major problems of social philosophy concerning the relationship between morality and law. These notions are among the most complicated and integrative social and philosophical categories, since human need for freedom can be actualized only through these concepts. Ethical and legal issues require constant rethinking because each successive change of the cultural-historical paradigm is being accompanied by a radical transformation of the basic philosophical installations, including the area of ethical and legal theories and practices. The need of rethinking the ethical and legal realities becomes especially relevant in the current situation of unauthentic social and individual existence, when the daily occurrence of postmodernity conceals, according to the majority of thinkers, a serious humanitarian threat to the mankind. The scientific and technological progress coupled with the era of globalization eventually led to the fact that the most obvious traditional values are being leveled and disavowed and the notion of individual freedom is being distorted.

In the paper an attempt was made to develop a coherent and integrated, transcendental-pragmatic conception of dialectics of moral and legal relationships that allows us to bring together its underlying noumenal characteristics with phenomenal manifestations, identify the mechanisms of their interdependence and interaction. The main methodological basis of the study was the moral and legal doctrine of I. Kant that affirmed metaphysical unity of morality and law, based on the idea of freedom. To implement the objectives of the research a number of specific objectives were put, namely:

- to consider and determine the basic social and philosophical points of view on metaphysical unity of morality and law;
- to analyze the paradigmatic concepts of the relationship between law and morality in the ancient world, the Middle Ages, the modern and contemporary epochs;
- to typologize the existing ethical and legal concepts;
- to identify socio-philosophical realities that on a deep level govern and determine the dialectics of relationship between morality and law;
- to examine and reveal the main trends, axial vector or a code of ethical and legal doctrines and practices.

It is for the first time that a harmonious concept of genesis of ethical and legal doctrines and practices, as well as the complementarity and interrelation between morality and law in terms of the transformation or metamorphosis of the principle “I” has been worked out. Notions of moral and legal “I” as internal and legal “I” have been formulated. We introduce the notion of *pre-paradigm* - as pre-predicative unmanifested condition of the possibility of human knowledge. Moreover, the final formulas of ethical and legal relationships on four major cultural paradigms - Antiquity, Christian Middle Ages, modern and postmodern have been output.

The main thesis of the dissertation on the transformation of the principle of subjectivity, the principle of “I” as the underlying factor that determines the foreseeable availability of cultural paradigms in the history of human development, including the whole diversity of ethical and legal practices and theories, is based on the relevant texts of such prominent philosophers of XX century as Losev, Heidegger, Steiner and is based on their authority.

The basic idea consists of special dialectics, complementarity of existentially-ontological and socio-individual which can be schematically depicted as follows: **Being** → → **I** → **pre-paradigm** → **paradigm** → **moral and legal theories and practices**. In most condensed form the main results of the study can be summarized in the following positions:

1. In pre-Christian times there is no full second term of the formula, there is no absolute personality. In this paradigm Being itself takes on the role of “I” and therefore moral here is not the result of free internal choice (as well as a law), it acts as a pure external and at the same time cosmic event under the laws of the impersonal Absolute.

2. In the Christian Middle Ages as a result of faith in personal God (personal Absolute) we already have the absolute free person, the absolute “I”, and as a consequence, in contrast to the law moral is being transformed into the ability to produce an internal free choice.

3. In modern times the process of gradual “oblivion of Being”, the process of separation of “I” from Being begins. “I” gradually starts to lose its dual essence, thus losing the ability of free moral choice. Morality and law are again transforming into the acts of the same order, external actions, no longer of cosmic, as in antiquity, but of social sense.

4. Postmodernity is characterized by the secession of “I” from Being. Here, the “one-dimensional” personality exists only in the sociality and dissolves in it. In a certain sense, the world of nature is being detached from the world of freedom. A defection from Being, from the world of freedom leads to the deformation and distortion of the nature of morality and law. In the postmodern paradigm the elements of *immoral law* can already be clearly traced.

The study is rather controversial and does not claim to be considered exhaustive. The subject of correlation between morality, law and freedom of the will is stretching far into the future and requires constant and careful attention. Adequate understanding of the problems associated with the relationship of the individual, freedom, morality and law is a necessary condition for the revival of existential identity and transition to the more advanced forms of individual-collective being.